

Взяв дикий финик и сунув его в рот, Син-гэ всё ещё выглядел недовольным.

— Мама оставила в комнате курицу, а её украли почти всю. Наверняка это Сяо Бао съел. Я хотел пойти разобраться, но мама не разрешила.

Это произошло впервые. Раньше, когда Чжэцзы-гэ приносил что-то вкусное, в третьей семье это долго не задерживалось — всё обычно делили между всеми. На этот раз Лю Яоцин решил не отдавать всё сразу, но не ожидал, что кто-то начнёт воровать.

Ли-ши тоже было неприятно. Даже если семья не разделена, у каждого есть своя комната, и никто просто так не лезет в чужую. Но она понимала ситуацию и, видя, как Лю Яоцин начинает злиться, сказала:

— Цин-гэр, в доме давно не было мясного. Даже если ты пойдёшь жаловаться дедушке и бабушке, они скажут то же самое...

— Значит, наше имущество можно просто воровать безнаказанно?

Это была какая-то извращённая логика, но Лю Яоцин лишь возразил, понимая, что в этом доме такие правила. Не только Ли-ши привыкла к этому, но и сам старик Лю и Ли-ши, которые установили эти правила, глубоко верили, что это правильно.

Похлопав Син-гэ по плечу, Лю Яоцин сказал:

— Главное, у нас нет доказательств, и мы не знаем, кто это сделал.

Дети из первой семьи, большие и маленькие, Лю Цюаньфу и младшая Ли-ши — Лю Яоцин считал, что они все похожи на Сяо Бао: видят что-то вкусное и забывают обо всём.

— Если спросить, они не признаются, — с грустью сказал Син-гэ.

— У меня есть идея, но часть курицы, возможно, придётся выбросить, — подумав, сказал Лю Яоцин. — Мама, Син-гэ, если вы хотите проучить их, то мы готовы пожертвовать мясом. И этот прецедент нельзя создавать. Если в третьей семье начнут просто так брать вещи, что будет, если потом пропадёт мамино приданое? А если кто-то заболеет, дедушка и бабушка не обязательно наймут врача. Вот и сейчас...

Эти слова действительно задели Ли-ши за живое, ей стало очень тяжело.

— Цин-гэр, у тебя есть план? — Видя, что Ли-ши не возражает, спросил Син-гэ.

Не прошло и мгновения, как Син-гэ выбежал из комнаты, а Лю Яоцин остался ждать внутри, подготовив разбитую миску с кусочками курицы.

— Цин-гэр, не слишком ли это? Если отец узнает, снова рассердится, — сказала Ли-ши, колебавшись, но в итоге всё же пожалела их.

Посмотрев во двор, куда как раз вернулся Син-гэ, Лю Яоцин ответил:

— Причём здесь отец? Если мы проглотим это молча, как мы сможем хранить что-то ценное в нашей комнате?

К счастью, вино было приготовлено у Чжэцзы-гэ дома, иначе неизвестно чем бы всё закончилось.

— Отец всегда учит, что в семье нужно жить дружно. Посмотри на тех, кто в деревне постоянно ссорится, — их все смеются. Кроме того... — Ли-ши взгляд потемнел. — Бабушка тоже не раз обыскивала эту комнату.

— Но бабушка ведь ничего не забирала, правда? — Напомнив о деде, Лю Яоцин нахмурился. — Если отец действительно так думает, пусть сам и поддерживает мир в семье, а нас не трогает. Неважно, что говорят в деревне, мама, разве ты мало вытерпела? Разве в этом доме мир? Дядя каждый день ест вкусно и пьёт, не выходя в поле, а отец работает до смерти. Дедушка и бабушка какие есть — разве ты не знаешь?

— По-моему, в деревне немало людей считают отца глупым. А иначе почему, когда я в этот раз чуть не умер от болезни, никто из соседей не пришёл навестить? — Лю Яоцин усмехнулся и, видя, что Ли-ши молчит, тоже замолчал, сосредоточившись на том, чтобы вместе с Син-гэ размять собранную траву, выжать из неё сок и полить курицу.

На самом деле в деревне не все были равнодушны к Лю Яоцину, просто мало кто заходил. Во-первых, младшая Ли-ши из первой семьи была неряшливой и любила пользоваться чужим, что не нравилось другим. Во-вторых, во второй семье была только Шэнь-ши с Юй-гэром, а Шэнь-ши была тихой и редко с кем разговаривала. В-третьих, многие в деревне знали, что третья семья в доме Лю не имеет власти, и если кто-то придёт проведать, старик Лю может не одобрить, а Лю Цюаньцзинь ещё и рассердится.

Сам старик Лю и Ли-ши в деревне имели хорошую репутацию, ведь они создали это хозяйство, вырастили детей и внуков, а ещё у них был учитель, который преподавал в городке. Но с кем они общались в обычные дни? Если бы с ними что-то случилось, пришло бы много людей, но речь шла о Лю Яоцине, да ещё и о третьей семье, которая не имела веса в доме. Кто бы пошёл проведать, если это не принесёт пользы?

— Всё, — Лю Яоцин взял миску и вышел. Син-гэ с радостью последовал за ним.

Войдя в главную комнату, где как раз были старики, Лю Яоцин сказал:

— Мама оставила в комнате курицу, но её стало гораздо меньше. Само по себе это ничего, но я смешал курицу с большой жгучей травой, чтобы положить на поле для хорьков. Не знаю, кто в доме её съел. Дедушка, что теперь делать?

Взглянув на курицу в миске, старик Лю помрачнел и толкнул Ли-ши:

— Позови всех домой!

Большая жгучая трава не убивает, но вызывает сильную диарею, которая может привести к истощению на несколько дней. Однако эта трава очень эффективна против хорьков. Обычно в деревне, когда едят курицу, оставляют немного костей, смазанных соком большой жгучей травы. Если хорёк утащит кость, он, вероятно, больше не вернётся в это место.

Для защиты от хорьков этот метод самый действенный.

Злобно сверкая глазами на Лю Яоцина, Ли-ши крикнула во двор:

— Невестка старшего, веди детей сюда. Невестка младшего, тоже приходи...

На низкой тумбочке стояла разбитая миска с курицей, источающей аппетитный аромат. В доме Лю, где мясо было редкостью, это было как крючок, сводящий с ума голодных.

— Кто же это... — Старик Лю с мрачным лицом посмотрел на вошедших: семью старшего сына, семью младшего сына, Лю Яоцина и Син-гэ.

Так как никто не шевелился, Лю Яоцин сказал:

— Взрослые, если съедят, ничего страшного, максимум будут мучиться поносом пару дней. А вот ребёнок или слабый человек могут умереть. Я слышал, в деревне был ребёнок, который по глупости съел большую жгучую траву, а родные не заметили. Так он поносил, что кишки вывалились наружу и волочились по земле длинным куском. Теперь он так и живёт.

— Ааа... Я не хочу, чтобы кишки вылезли, я не хочу... — Сяо Бао, прятаясь за младшей Ли-ши, тут же разрыдался. — Мама, мама, ты тоже ела, почему...

Младшая Ли-ши хотела снова зажать рот Сяо Бао, но не успела и неловко перевела взгляд на старика Лю.

Это был любимый внук, и лицо старика Лю сразу помрачнело:

— Быстро кипятите воду!

Если ребёнок съел большую жгучую траву, и это вовремя заметили, то, напоив его водой, вызвав рвоту и диарею, можно избежать серьёзных последствий. Но если не заметить, всё может закончиться плохо.

Любившая Сяо Бао, бабушка Ли-ши тоже спустилась с кана, а младшая Ли-ши и Шэнь-ши пошли помогать. Мать Ли-ши несколько раз оглянулась на Лю Яоцина, собираясь что-то сказать, но останавливалась. Там Сяо Бао, которого держала младшая Ли-ши, кричал и бился, а через мгновение даже обмочил штаны, а следом началась рвота и понос.

В рвотных массах виднелись кусочки непереваренной курицы, и все невольно заспешили.

Вода кипятком, её остудили холодной. Младшая Ли-ши разжала рот Сяо Бао, а бабушка Ли-ши лично черпала ковшем и поила его. Штаны Сяо Бао уже были грязными, и младшая Ли-ши, боясь запачкать свою одежду, перехватила его за талию, так что он выгибался, как рыба на суше. Вскоре он снова опорожнился.

Лю Яоцин стоял во дворе и наблюдал. С каменным лицом он взглядом останавливал Ли-ши каждый раз, когда она пыталась заговорить.

Увидев, как в дом вбежал Лю Цюаньцзинь, Лю Яоцин понял, что это тот самый момент. Он с тревогой подбежал к двери:

— Отец, Сяо Бао плохо. Почему ты не привёл дядю? Он, наверное, пьёт у Хромого Лая...

Родного брата дома не оказалось, и Лю Цюаньцзинь, не задумываясь, развернулся и снова вышел.

Никогда не видевший такого переполоха, Син-гэ с испугом сказал:

— Цин-гэр... тётя... Сяо Бао почему так...

— Ничего, поглядим, — Лю Яоцин был совершенно спокоен.

В Сяо Бао влили почти полгоряча горячей воды. После рвоты и поноса бабушка Ли-ши увидела,

что выходит практически чистая вода, и сказала:

— Всё, уберите здесь.

Она развернулась и ушла в комнату.

— Юй-гэр, — Лю Яоцин подозвал его жестом и прошептал что-то ему на ухо.

<http://bllate.org/book/16688/1531681>